

Татуировщик из Освенцима

Автор:

Хезер Моррис

Татуировщик из Освенцима

Хезер Моррис

Азбука-бестселлер

Основанный на реальных событиях жизни Людвиг (Лале) Соколова, роман Хезер Моррис является свидетельством человеческого духа и силы любви, способной расцвести даже в самых темных местах. И трудно представить более темное место, чем концентрационный лагерь Освенцим/Биркенау.

В 1942 году Лале, как и других словацких евреев, отправляют в Освенцим. Оказавшись там, он, благодаря тому, что говорит на нескольких языках, получает работу татуировщика и с ужасающей скоростью набивает номера новым заключенным, а за это получает некоторые привилегии: отдельную каморку, чуть получше питание и относительную свободу перемещения по лагерю. Однажды в июле 1942 года Лале, заключенный 32407, наносит на руку дрожащей молодой женщине номер 34902. Ее зовут Гита. Несмотря на их тяжелое положение, несмотря на то, что каждый день может стать последним, они влюбляются и вопреки всему верят, что сумеют выжить в этих нечеловеческих условиях. И хотя положение Лале как татуировщика относительно лучше, чем остальных заключенных, но не защищает от жестокости эсэсовцев. Снова и снова рискует он жизнью, чтобы помочь своим товарищам по несчастью и в особенности Гите и ее подругам. Несмотря на постоянную угрозу смерти, Лале и Гита никогда не перестают верить в будущее. И в этом будущем они обязательно будут жить вместе долго и счастливо...

Хезер Моррис

Татуировщик из Освенцима

Heather Morris

THE TATTOOIST OF AUSCHWITZ

Copyright © Heather Morris, 2018

All rights reserved

Серия «Азбука-бестселлер»

© И. В. Иванченко, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается памяти Лале Соколова.

Благодарю, что доверили мне рассказать свою историю и историю Гиты

Пролог

Лале старается не поднимать глаз. Он протягивает руку и получает клочок бумаги. Ему надлежит перенести пять цифр на руку девушки, держащей этот листок. Там уже есть номер, но он потускнел. Лале осторожно втыкает иглу в ее левую руку, делая цифру «3». Из ранки сочится кровь. Но игла вошла недостаточно глубоко, и ему приходится вновь выбивать цифру. Лале причиняет девушке боль, но она даже не вздрагивает. Их предупредили: ничего не говорите, ничего не делайте. Он промокает кровь и втирает в ранку зеленые чернила.

– Поторопись! – шепчет Пепан.

Лале возится слишком долго. Одно дело – наносить татуировку на руки мужчин, но уродовать тела молодых девушек – это ужасно. Подняв глаза, Лале видит мужчину в белом халате, медленно идущего вдоль шеренги. То и дело он останавливается и оглядывает лицо и фигуру какой-нибудь испуганной молодой женщины. Наконец он подходит к Лале. В то время как Лале осторожно держит руку девушки, тот мужчина обхватывает ее лицо ладонями и грубо поворачивает из стороны в сторону. Лале поднимает взгляд и видит ее испуганные глаза. Ее губы шевелятся, она собирается что-то сказать. Чтобы остановить ее, Лале крепко сжимает ее руку. Она смотрит на него, и он шепчет:

– Ш-ш-ш.

Мужчина в белом халате отпускает девушку и идет дальше.

– Отлично, – шепчет Лале, принимаясь наносить оставшиеся четыре цифры: 4 9 0 2.

Закончив, он удерживает ее руку в своей на миг дольше, чем необходимо, и вновь заглядывает ей в глаза. И выдавливает из себя робкую улыбку. Она чуть заметно улыбается в ответ. Ее глаза как будто пляшут перед его взором. Глядя в эти глаза, он чувствует, что у него остановилось сердце, но в тот же миг оно начинает сильно биться, едва не выпрыгивая из груди. Он опускает глаза в землю, и она качается под ним. Ему протягивают следующий листок бумаги.

– Лале, поторопись! – нетерпеливо шепчет Пепан.

Он вновь поднимает глаза, но ее уже нет.

Глава 1

Апрель 1942 года

Грохочущий вагон идет по сельской местности. Лале стоит с поднятой головой и думает о своем. Ему двадцать четыре года. Сосед время от времени сонно тычется ему в плечо, но Лале не отталкивает его и не обращает на него внимания. Он всего лишь один из несметного числа молодых людей, которых запихнули в вагоны, предназначенные для перевозки скота. Не имея представления о том, куда их поведут, Лале оделся как обычно – отутюженный костюм и свежая белая рубашка с галстуком. Это его правило: всегда одеваться с иголочки.

Он пытается оценить габариты своей тюрьмы. Ширина вагона примерно два с половиной метра. Но ему не виден конец вагона, и он не в состоянии прикинуть длину. Вглядываясь в бесчисленные подскакивающие головы, он пытается сосчитать своих попутчиков, но в конечном итоге отказывается от этой затеи. Он не знает, сколько всего вагонов в составе. У него болят ноги и спина. Лицо чешется. Щетина напоминает, что он не мылся и не брился уже два дня, с тех пор как их посадили в вагоны. В душу закрадывается тревога.

Когда соседи пытаются втянуть его в разговор, он подбадривает их, стараясь обратить страх в надежду. Мы попали в дерьмо, но давайте постараемся не захлебнуться в нем. Он слышит произнесенные вполголоса оскорбительные замечания по поводу своей внешности и манер. Обвинения в происхождении из высших слоев общества.

– А теперь смотри, куда тебя это завело.

Он пытается не придавать значения этим словам и с улыбкой встречает пристальные взгляды. Некоторые толкают его, когда он проходит мимо.

Приходится самому отвоевывать себе место.

– Как ты можешь быть таким спокойным? – говорит сосед. – У них винтовки. Эти подонки наставили на нас винтовки и загнали в эту... эту скотовозку.

– Я тоже не этого ждал, – улыбается ему Лале.

– Куда, по-твоему, мы едем?

– Не имеет значения. Просто помни: мы сейчас здесь для того, чтобы наши родные остались дома в безопасности.

– Но что, если...

– Никаких «если». Я не знаю, ты не знаешь, никто не знает. Просто будем делать то, что нам велят.

– Может быть, попытаться захватить их на стоянке, ведь нас намного больше?

Бледное лицо молодого человека искажается злобой. Он трогательно размахивает перед собой сжатыми кулаками.

– У нас кулаки, у них винтовки. Кто, по-твоему, победит в этой драке?

Молодой человек умолкает. Он упирается плечом в грудь Лале, и Лале ощущает исходящий от его волос запах жира и пота. Руки парня падают и повисают вдоль тела.

– Я Арон, – говорит он.

– Лале.

Люди вокруг прислушиваются к их разговору, а потом вновь погружаются в молчаливую задумчивость, уходят в свои мысли. Общее у всех них – это страх. И молодость. Лале пытается не думать, что ждет их впереди. Ему сказали, что его везут на работу для немцев и он будет заниматься именно этим. Он думает об

оставленных дома родных. Они в безопасности. Он принес себя в жертву и не жалеет об этом. Он сделал бы это снова и снова, лишь бы только родные, любимые люди оставались дома вместе.

Похоже, каждый час люди задают ему одни и те же вопросы. Потеряв терпение, он начинает говорить:

– Подожди, и увидишь.

Почему спрашивают именно его? У него нет никаких особых сведений. Да, он в костюме и галстуке, но больше он ничем от других не отличается. Мы все в одной гребаной лодке.

В переполненном вагоне им даже не присесть, а тем более не прилечь. Уборной служат два ведра. По мере их наполнения пленники начинают потасовку, стараясь отодвинуться подальше от источника вони. Ведра переворачиваются, и содержимое выливается. Лале прижимает к себе саквояж, надеясь, что его деньги и одежда помогут ему откупиться от неприятностей или, по крайней мере, обеспечить себе безопасную работу. Может быть, ему пригодится знание языков.

Он радуется, что удалось пробраться к стене вагона. Через щели в досках он видит обрывки проносящихся мимо сельских пейзажей. Крошечные порции свежего воздуха помогают подавить приступы тошноты. Должно быть, сейчас весна, но целыми днями из нависших облаков льет дождь. Время от времени они проезжают мимо полей, расцвеченных весенними цветами, и Лале улыбается. Цветы. С детства он усвоил от матери, что женщины их любят. Когда в следующий раз он сможет подарить девушке цветы? Он впитывает в себя эти мелькающие перед глазами яркие пятна – целые поля маков, колышущихся под ветром, алое море. Он обещает себе, что следующий букет цветов, подаренный кому-то, соберет сам. Ему никогда не приходило в голову, что цветы растут в природе в таком огромном количестве. Мать выращивала цветы в саду, но никогда не срезала их и не приносила в дом. Он начинает мысленно составлять список необходимых дел: «Когда я вернусь домой...»

Завязывается очередная потасовка. Шарканье ног, крики. Лале не видит происходящего, но чувствует, как корчатся и толкаются тела. Потом наступает тишина. Из сумрака доносятся слова:

– Ты его убил.

– Повезло мерзавцу, – бормочет кто-то.

Бедный ублюдок.

Жалко, если моя жизнь тоже закончится в этой вонючей дыре.

* * *

В этом путешествии много остановок – одни на несколько минут, другие на несколько часов, всегда за пределами города или деревни. Изредка Лале удастся прочитать название станции, мимо которой они проносятся: Острава, город, который, как он знает, находится вблизи границы между Чехословакией и Польшей, затем Пщина, и это подтверждает, что они в Польше. Вопрос, на который нет ответа: где они остановятся? Большую часть времени Лале предается воспоминаниям о жизни в Братиславе: его работа, его квартира, его друзья и в особенности его подруги.

Состав снова останавливается. Кругом кромешная тьма; облака полностью закрыли луну и звезды. Предвещает ли эта тьма их будущее? Вещи таковы, каковы они есть. То, что я вижу, чувствую, обоняю в данный момент. Он видит лишь подобных себе – молодых людей, едущих в неизвестность. Он слышит урчание пустых животов и хрип пересохших гортаней. Он чует вонь мочи и фекалий, как и запах давно не мытых тел. Пленники используют себе во благо даже то, что их не выпускают из вагона поспать и им не надо отвоевывать себе кусочек дерна. Уже не одна голова прислонилась к Лале.

Из задних вагонов, постепенно усиливаясь, доносится громкий шум. Терпение людей лопнуло, и они делают попытку вырваться. Соседи Лале просыпаются от грохота тел, бросающихся на деревянные стены вагона, и от шума опрокинувшегося туалетного ведра. Вскоре все вагоны раскачиваются, атакуемые изнутри.

– Помоги нам или уйди с дороги! – кричит Лале крупный мужчина, бросаясь на стенку.

– Не трать понапрасну силы, – отвечает Лале. – Если бы эти стены можно было проломить, то неужели корова не сумела бы этого сделать?

Сердито повернувшись к нему, несколько мужчин прекращают свои попытки.

Они обдумывают его замечание. Поезд мчится вперед. Может быть, ответственные лица решили, что движение остановит беспорядки. Люди в вагонах успокаиваются. Лале закрывает глаза.

* * *

Лале вернулся в дом родителей в Кромпахи в Словакии, когда узнал, что евреев из маленьких городков собирают и отправляют работать на немцев. Он знал, что евреям больше не разрешали оставаться на своих рабочих местах и на их предприятия был наложен арест. Почти четыре недели он помогал по дому, ремонтировал мебель вместе с отцом и братом, мастерил новые кровати для маленьких племянников, выросших из колыбелей. Его сестра была швеей и единственная из всей семьи имела заработок. Ей приходилось тайком уходить на работу до рассвета и возвращаться затемно. Ее начальник был готов рисковать ради лучшего работника.

Однажды вечером она вернулась домой с плакатом, который ее хозяина попросили вывесить в витрине мастерской. Там было изложено требование, чтобы каждая еврейская семья предоставила отпрыска старше восемнадцати лет для работы на германское правительство. Разговоры вполголоса, слухи о происходящем в других городах наконец достигли Кромпахи. Казалось, словацкое правительство продолжало идти на уступки Гитлеру, давая ему все, что он хотел. Плакат жирным шрифтом предупреждал о том, что если семья имеет такого отпрыска и не сдаст его, то вся семья будет отправлена в концентрационный лагерь. Макс, старший брат Лале, сразу же сказал, что поедет он, но Лале не хотел даже слышать об этом. У Макса жена и двое маленьких детей, он нужен дома.

Лале написал в администрацию Кромпахи и предложил, чтобы его отправили на работы. Чиновники, с которыми он имел дело, были его приятелями: они вместе ходили в школу и знали семьи друг друга. Лале было велено поехать в Прагу, заявить о своем прибытии властям и ждать дальнейших распоряжений.

* * *

Через два дня состав для перевозки скота снова останавливается. На этот раз снаружи большая суматоха. Лают собаки, выкрикиваются команды на немецком, отодвигаются засовы, двери вагонов с лязгом отодвигаются.

– Выходите из вагонов, оставьте свои вещи! – кричат солдаты. – Скорей, скорей, поторопитесь! Оставьте вещи на земле!

Поскольку Лале был в глубине вагона, он выходит одним из последних. Подойдя к двери, он видит тело убитого в потасовке мужчины. На миг прикрыв глаза, Лале в короткой молитве поминает погибшего. Потом спрыгивает из вагона, унося на себе зловоние, пропитавшее одежду, кожу, каждую клеточку его существа. Приземлившись на согнутые колени, он упирается руками в гравий и несколько мгновений стоит согнувшись. Задышавшись. Чувствуя ужасную усталость и сильную жажду. Медленно поднявшись, он оглядывается по сторонам и видит сотни испуганных мужчин, пытающихся осмыслить происходящее перед их глазами. Собаки вцепляются в тех, кто мешкает. Многие люди спотыкаются, мышцы отказываются работать после нескольких дней вынужденной неподвижности. У тех, кто не желает расставаться со своими вещами или просто не понимает команд, силком выхватывают чемоданы, связки книг, жалкие пожитки. Людей бьют прикладом винтовки или кулаком. Лале рассматривает немцев в военной форме. Черные, угрожающего вида. Двойной зигзаг молнии на воротнике френча подсказывает Лале, с кем он имеет дело. СС. В других обстоятельствах он оценил бы пошив, качество ткани, точность кроя.

Он ставит свой саквояж на землю. Как они узнают, что этот – мой? С дрожью он понимает, что вряд ли снова увидит саквояж или его содержимое. Он прикасается рукой к сердцу, к деньгам, спрятанным в кармане пиджака. Подняв глаза к небу, вдыхает свежий прохладный воздух, напоминая себе, что его, по крайней мере, выпустили из вагона.

Звучит выстрел, и Лале вздрагивает. Перед ним, направив оружие в небо, стоит офицер СС.

– Шевелись!

Лале оглядывается на опустевший поезд. Одежда разлетается во все стороны, книги шелестят страницами. Подъезжают несколько грузовиков, и из них выпрыгивают мальчишки. Они хватают оставленные пожитки и швыряют их в кузов. На Лале наваливается тяжесть. Прости, мама, они забрали твои книги.

Люди устало плетутся к маячащим впереди грязно-розовым кирпичным зданиям с большими окнами. У входа растут распускающиеся по весне деревья. Проходя через открытые металлические ворота, Лале поднимает голову и видит выкованные из металла слова на немецком.

ARBEIT MACHT FREI.

Труд освобождает.

Он не знает, где находится или какой работой будет заниматься, но мысль о том, что она его освободит, представляется ему неудачной шуткой.

СС, винтовки, собаки, отобранные вещи – он не мог себе такого вообразить.

– Где мы находимся?

Лале поворачивается и видит рядом с собой Арона.

– Я бы сказал: у последней черты. – (Лицо Арона вытягивается.) – Просто делай, что говорят, и будешь в порядке.

Лале понимает, что это звучит весьма неубедительно. Он бегло улыбается парню, и тот улыбается в ответ. Лале мысленно велит себе следовать собственному совету. Делай, что говорят. И всегда наблюдай.

Загнанных за ограждение мужчин выстраивают в шеренги. Во главе шеренги Лале за небольшим столом сидит заключенный с изможденным лицом. На нем куртка и штаны в сине-белую вертикальную полоску, с зеленым треугольником на груди. За ним стоит офицер СС с винтовкой на изготовку.

Собираются тучи. В отдалении гремит гром. Люди ждут.

К группе подходит старший офицер в сопровождении солдат. У него квадратная челюсть, тонкие губы и глаза под густыми черными бровями. Форма офицера скромнее по сравнению с формой тех, кто сопровождает его, однако поведение выдает в нем начальника.

– Добро пожаловать в Освенцим!

Лале, не веря своим ушам, слышит эти слова, слетающие с почти неподвижных губ. Его оторвали от семьи, перевозили, как животное, и теперь он в окружении вооруженных до зубов эсэсовцев, а ему говорят: добро пожаловать! Добро пожаловать!

– Я – комендант Рудольф Хёсс. Я – начальник здесь, в Освенциме. На воротах, через которые вы только что прошли, начертано: «Труд освобождает». Это ваш первый и единственный урок. Усердно работайте. Делайте то, что вам велят, и станете свободными. В случае неповиновения будут плохие последствия. Здесь вас зарегистрируют, а потом отправят в ваш новый дом – Освенцим-два Биркенау.

Комендант скользит взглядом по лицам людей. Он вновь начинает говорить, но его слова заглушает мощный раскат грома. Хёсс глядит на небо, бормочет что-то себе под нос, отмахивается от людей и, повернувшись, уходит прочь. Охрана поспешно следует за ним. Топорный спектакль, но пугающий.

Начинается регистрация. Лале смотрит, как к столам подталкивают первых заключенных. Он стоит далеко и не слышит коротких реплик, а лишь видит, как сидящие в робах записывают сведения и вручают каждому заключенному квитанцию. Наконец наступает очередь Лале. Он должен назвать свое имя, адрес, род занятий и фамилии родителей. Изможденный мужчина за столом аккуратным витиеватым почерком записывает ответы Лале и передает ему клочок бумаги с номером. За все время мужчина ни разу не поднимает глаз.

Лале смотрит на номер: 32407.

Он бредет вместе с толпой к другим столам, за которыми сидит другая группа заключенных с зелеными треугольниками на груди, а рядом стоят эсэсовцы. Лале мучает невыносимая жажда, он изможден, но с удивлением замечает, как у него выхватывают тот клочок бумаги. Офицер СС стаскивает с Лале пиджак,

отрывает от рубашки рукав и прижимает его левую руку к столу. С недоумением он наблюдает, как сидящий за столом заключенный одну за другой выбивает на его коже цифры 32407. Деревяшка с прикрепленной к ней иглой двигается быстро, причиняя боль. Потом мужчина берет тряпицу, смоченную в зеленых чернилах, и грубо втирает их в ранку Лале.

Нанесение татуировки заняло лишь несколько секунд, но для потрясенного Лале время как будто остановилось. Он сжимает свою руку, уставившись на цифры. Как может кто-то сотворить такое с другим человеческим существом? Неужели остаток его жизни – короткий или длинный – будет отсчитываться от этого момента, от этого числа 32407?

Толчок прикладом винтовки заставляет Лале очнуться. Он поднимает с земли пиджак и, спотыкаясь, входит вслед за прочими в большое кирпичное здание со скамьями вдоль стен. Это напоминает ему гимнастический зал школы в Праге, где он ночевал пять ночей перед путешествием сюда.

– Раздевайтесь!

– Быстрее, быстрее!

Эсэсовец отрывисто выкрикивает команды, которые большинство не понимает. Лале переводит для стоящих рядом, и те передают дальше.

– Оставьте одежду на скамье. Найдете ее на месте после душа.

Мужчины из группы снимают брюки и рубашки, пиджаки и ботинки, сворачивают грязную одежду и аккуратно складывают ее на скамейки.

Лале предвкушает мытье, но понимает, что, вероятно, не увидит больше своих вещей и спрятанных в них денег.

Он снимает одежду и кладет ее на скамью, но его переполняет гнев. Из кармана брюк он достает плоский спичечный коробок – напоминание о прошлых удовольствиях. Украдкой бросает взгляд на ближайшего к нему офицера – тот смотрит в сторону. Лале чиркает спичкой. Это, возможно, последнее проявление его свободы воли. Он подносит горящую спичку к подкладке пиджака,

прикрывает его брюками и торопливо встает в очередь к душевым. Через несколько секунд у него за спиной раздаются крики:

– Пожар!

Лале оборачивается и видит, как в попытке выбраться из помещения голые мужчины расталкивают друг друга, в то время как офицер СС пытается сбить пламя.

Он не успел еще добраться до душевой, но уже ощущает дрожь. Что я наделал? Несколько дней он поучал всех вокруг, чтобы не поднимали голову, никому не возражали, и вот теперь сам сорвался и устроил в здании чертов пожар. Нет сомнения, что с ним случится нечто ужасное, если кто-нибудь укажет на него как на поджигателя. Глупо! Глупо!

В душевом блоке он успокаивается, начинает глубоко дышать. Сотни дрожащих мужчин стоят плечом к плечу под струями холодной воды. Откидывая голову назад, они самозабвенно пьют эту вонючую воду. Многие пытаются скрыть смущение, прикрывая руками гениталии. Лале смывает с тела и волос пот, сажу и вонь. Вода с шипением выходит из труб и барабанит об пол. Когда вода перестает литься, двери в раздевалку открываются, и люди без команды подходят к тому, что теперь заменило их одежду, – к старой русской военной форме и ботинкам.

– Прежде чем одеваться, вы должны сходить к парикмахеру, – ухмыляясь, говорит офицер СС. – На улицу – быстро!

И снова мужчины выстраиваются в шеренги. Один за другим они подходят к заключенному, стоящему на изготовку с бритвой. Когда подходит очередь Лале, он садится на стул, с прямой спиной и высоко поднятой головой. Офицеры прохаживаются вдоль шеренги, тыча в раздетых заключенных прикладами, осыпая их оскорблениями и злобно гогоча. По мере того как ему наголо сбывают волосы, он еще больше выпрямляет спину и выше поднимает голову, не вздрагивая, когда лезвие задевает кожу черепа.

Толчок в спину дает понять, что с ним покончили. Он идет в шеренге в душевой блок, где присоединяется к поиску одежды и деревянных башмаков подходящего размера. Вся одежда грязная и заляпанная, но ему удастся найти

более или менее сносные башмаки, и он рассчитывает, что выбранная русская форма подойдет. Одевшись, он, повинувшись приказу, выходит из здания.

Темнеет. Он долго идет под дождем в нескончаемой шеренге людей. В вязкой грязи ноги с трудом отрываются от земли. Но он продолжает упорно тащиться вперед. Некоторые идут из последних сил или падают на четвереньки. Их ударами заставляют подняться. Тех, кто не может, пристреливают.

Лале пытается отодрать тяжелую промокшую одежду от тела. Кожа чешется и зудит, и запах влажной шерсти и грязи возвращает его в поезд для перевозки скота. Лале поднимает голову к небу, стараясь проглотить как можно больше дождевой воды. Эта вода кажется ему сладкой, она – лучшее, что у него было за много дней. Жажда ослабляла его, затуманивала зрение. Он жадно пьет воду. Сложив ладони чашечкой и причмокивая, иступленно пьет. В отдалении он видит прожектора, окружающие обширную территорию. В его полубредовом состоянии они кажутся маяками – сверкающими, мерцающими под дождем, показывающими дорогу домой. Они зовут: «Иди ко мне. Я дам тебе убежище, тепло и еду. Не останавливайся». Но, пройдя через ворота, на этот раз не несущие никакого послания, не обещающие свободу в обмен на тяжелый труд, Лале осознает: сверкающий мираж пропал. Он просто оказался в другой тюрьме.

За этим двором теряется в темноте территория другого лагеря. По заборам поверху протянута колючая проволока. На сторожевых вышках Лале видит эсэсовцев с автоматами, дула которых направлены на него. В ближайший забор ударяет молния. Проволока под током. Слабые раскаты грома не заглушают звук выстрела, падает еще один человек.

– Наконец добрались.

Лале поворачивается и видит: к нему проталкивается Арон. Насквозь промокший, измазанный. Но живой.

– Угу, похоже, мы дома. Ну и видок у тебя.

– На себя посмотри. Считай, что я – это зеркало.

– Спасибо, не надо.

– Что теперь будет? – спрашивает Арон, совсем как ребенок.

* * *

Идя в плотном потоке, каждый показывает руку с татуировкой офицеру СС. Тот стоит у входа в здание и записывает номера на планшете. Лале и Арона сильно толкают в спину, и они оказываются в блоке 7, большом бараке с трехъярусными нарами вдоль стены. В барак загоняют десятки мужчин. Они толкаются и отпихивают друг друга, стараясь занять место получше. Везучим или напористым достается одно место на двоих или троих. Лале не повезло. Они с Ароном залезают на верхние нары, уже занятые двумя другими заключенными. После многодневной голодовки у них почти не осталось сил. Кое-как устроившись, Лале сворачивается клубком на соломенном тюфяке, заменяющем матрас. Пытаясь ослабить спазмы в кишках, он прижимает руки к животу. Несколько человек обращаются к охранникам:

– Нам нужна еда.

– Получите кое-что утром, – следует ответ.

– К утру мы все сдохнем от голода, – произносит кто-то из задней части барака.

– Покойтесь с миром, – отвечает глухой голос.

– В этих тюфяках есть сено, – добавляет кто-то еще. – Может, надо продолжить жизнь скота и пожевать его.

Тихие смешки. Офицер никак не реагирует.

И затем из глубины барака доносится несмелое:

– Му-у-у.

Смех. Тихий, но отчетливый. Невидимый офицер не вмешивается, и в конце концов заключенные засыпают с урчащими животами.

* * *

Все еще темно, когда Лале просыпается, чтобы помочиться. Он перелезает через спящих соседей, спускается на пол и ощупью идет в заднюю часть барака, полагая, что это самое безопасное место, где можно справить нужду. Подойдя ближе, он слышит голоса: говорят на словацком и немецком. Он с облегчением находит некое подобие уборной – позади здания прорыты длинные канавы с перекинутыми через них досками. Над канавой сидят три заключенных, справляя нужду и тихо переговариваясь. Лале замечает в полумраке двух эсэсовцев, идущих от другого конца барака. Они курят и смеются, винтовки свободно висят за спиной. Их тени беспокойно мечутся в огнях прожекторов, и Лале не может различить, о чем они говорят. Его мочевого пузыря переполнен, но он в нерешительности останавливается.

Офицеры одновременно швыряют сигареты в воздух, берут винтовки на изготовку и открывают огонь. Тела мужчин, сидевших над канавой, отброшены назад, в канаву. У Лале перехватывает дыхание. Он прижимается спиной к стене барака, и офицеры проходят мимо. Он успевает различить профиль одного из них – мальчишка, просто чертов пацан!

Когда они исчезают в темноте, Лале дает себе клятву. Я выживу и выйду из этого места. Выйду отсюда свободным человеком. Если ад существует, я увижу, как эти убийцы горят в нем. Он думает о родных, оставленных в Кромпахи, и надеется, что его присутствие здесь, по крайней мере, спасет их от подобной судьбы.

Облегчившись, Лале возвращается в барак.

– Выстрелы, – говорит Арон, – что это было?

– Я не видел.

Арон переносит ногу через Лале, чтобы спуститься вниз.

– Куда ты?

– Помочиться.

– Потерпи. – Лале хватает Арона за руку.

– Почему?

– Ты слышал выстрелы. Просто потерпи до утра.

Ничего не говоря, Арон забирается на нары и ложится, в страхе и негодовании прижимая кулаки к промежности.

* * *

В тот день его отец встречал клиента на железнодорожном вокзале. Господин Шейнберг приготовился элегантно подняться в экипаж, а отец Лале тем временем водружал на сиденье напротив красивый кожаный чемодан. Откуда он приехал? Из Праги? Братиславы? Может быть, из Вены? Одетый в дорогой шерстяной костюм, в начищенных ботинках, он с улыбкой поднялся в экипаж, перекинувшись несколькими словами с отцом Лале. Отец подстегнул лошадь. Подобно большинству людей, которых отец Лале развозил на своем «такси», господин Шейнберг возвращался домой из важной деловой поездки. Лале хотелось походить скорее на него, чем на отца.

В тот день господин Шейнберг был без жены. Лале с удовольствием поглядывал на госпожу Шейнберг и других женщин, едущих в экипаже отца, – маленькие руки в белых перчатках, элегантные жемчужные серьги и такое же ожерелье. Ему нравились красивые женщины в модной одежде и с драгоценностями, иногда сопровождавшие важных мужчин. Ему потому и нравилось помогать отцу, что он мог открывать для этих женщин дверцу экипажа, подавать руку, помогая спуститься, вдыхать их аромат и мечтать о той жизни, которую они ведут.

Глава 2

– Наружу! Все наружу!

Звучат свистки, лают собаки. В блок 7 из двери струится солнечный свет ясного утра. Заключенные, отцепляясь друг от друга, спускаются с нар и, волоча ноги, бредут из барака. Становятся вокруг здания. Отойти в сторону никто не пытается. Они ждут. И еще ждут. Те, кто кричал и свистел в свистки, исчезли. Люди шепотом переговариваются, шаркают ногами взад-вперед. Глядя на другие бараки, они видят, что там разыгрывается та же сцена. Что дальше? Жди.

Наконец к блоку 7 подходит эсэсовец в сопровождении заключенного, и воцаряется тишина. Никаких объявлений. Заключенный выкрикивает номера, написанные на планшете. Рядом стоит эсэсовец, нетерпеливо постукивая ногой и похлопывая себя по бедру офицерской тросточкой. До заключенных не сразу доходит, что номера – это татуировки на левой руке каждого. Перекличка окончена, два номера не отозвались.

– Ты... – тот, кто делал перекличку, указывает на мужчину в конце шеренги, – иди посмотри, не остался ли кто-нибудь внутри.

Тот смотрит на него с недоумением. Он не понял ни слова. Сосед шепотом повторяет команду, и мужчина спешит в барак. Через несколько мгновений он возвращается, подняв правую руку с двумя вытянутыми пальцами – указательным и средним: двое мертвы.

Эсэсовец делает шаг вперед. Он заговаривает по-немецки. Заключенные уже научились держать язык за зубами и покорно ждут в надежде, что кто-нибудь сможет перевести. Переводит Лале.

– Вас будут кормить два раза в день. Один раз утром и один раз вечером. Если доживете до вечера. – Он умолкает с мрачной ухмылкой на лице. – После завтрака вы будете работать, пока вам не велят остановиться. Продолжите строительство этого лагеря. Мы собираемся привезти сюда еще больше людей. – Он улыбается с гордым видом. – Выполняйте команды своего капо и руководителей строительства, и тогда встретите закат солнца.

Раздается металлический лязг, и заключенные, повернувшись, видят приближающуюся группу людей. Те несут два бака и стопки небольших жестянок. Завтрак. Несколько заключенных порываются подойти к группе, как бы предлагая помощь.

– Того, кто сдвинется с места, пристрелят! – рывкает эсэсовец, поднимая автомат. – Без вариантов!

Офицер уходит, и к группе заключенных обращается человек, проводивший перекличку.

– Вы его слышали, – говорит он на немецком с польским акцентом. – Я ваш капо, ваш начальник. Для получения еды встаньте в две шеренги. Жаловаться не советую, будет хуже.

Все выстраиваются в две линии, и некоторые перешептываются, спрашивая, понял ли кто-то сказанное «немцем». Лале растолковал все соседям и попросил передать дальше. Он будет переводить столько, сколько нужно.

Дождавшись своей очереди, он с благодарностью принимает небольшую жестяную миску. В грубых руках, подающих посуду, содержимое плещет через край. Лале отступает в сторону и изучает еду. Это коричневая жижа с незнакомым запахом. Это не чай, не кофе и не суп. Он боится, что если будет пить медленно, то извергнет из себя эту вонючую дрянь. Поэтому, закрыв глаза и зажав ноздри пальцами, он быстро осушает миску. Другие не столь удачливы.

Стоящий поблизости Арон поднимает свою посудину, словно в шутку провозглашая тост:

– У меня есть кусок картошки, а у тебя?

– Лучшая еда, какую мне доводилось пробовать.

– Ты всегда такой оптимист?

– Спроси снова в конце дня, – подмигивает Лале.

Возвращая пустую миску заключенному, который раздавал еду, Лале благодарит его, кивая и чуть улыбаясь.

– Если вы, ленивые ублюдки, покончили с едой, вставайте в шеренгу! – кричит капо. – Вас ждет работа!

Лале передает команду дальше.

– Идите за мной и выполняйте команды старшего! – орет капо. – Если будете сачковать, я узнаю.

* * *

Лале и другие оказываются перед частично возведенным строением, копией их барака. Там уже находятся другие заключенные: плотники и каменщики работают в слаженном ритме людей, привыкших трудиться вместе.

– Ты. Да, ты. Залезай на крышу. Ты сможешь там работать.

Оглядевшись по сторонам, Лале замечает лестницу, приставленную к крыше. На ней скрючились двое заключенных, ожидая, пока им поднесут черепицу. Когда Лале забирается на лестницу, они отодвигаются в сторону. Крыша состоит из деревянных балок – основы для укладки черепицы.

– Будь осторожен, – предупреждает его один рабочий. – Двигайся вверх по скату крыши и смотри на нас. Это не сложно. Скоро освоишься.

Человек этот русский.

– Меня зовут Лале.

– Знакомство потом, ладно? – (Мужчины переглядываются.) – Ты меня понимаешь?

– Да, – отвечает Лале по-русски.

Они улыбаются.

Лале наблюдает, как они принимают тяжелые глиняные плитки из пары рук, высовывающейся из-за края крыши, подползают к тому месту, где были уложены последние, и аккуратно укладывают их внахлест, а потом возвращаются к

лестнице за следующей партией черепицы. Русские были правы: работа не сложная. И вскоре Лале принимается за укладку черепицы. В теплый весенний день лишь муки голода и спазмы в желудке мешают ему догнать более опытных рабочих.

Через несколько часов им разрешают сделать перерыв. Лале направляется к лестнице, но русский останавливает его:

– Безопасней остаться здесь. На высоте мы не так на виду.

Лале идет за рабочими, очевидно знающими, где удобней всего сесть и вытянуть ноги: на углу, где для усиления крыши применяется более прочная древесина.

– Давно вы здесь? – спрашивает Лале, как только они устраиваются.

– Думаю, около двух месяцев. Через какое-то время становится трудно понять.

– Откуда вы прибыли? То есть как сюда попали? Вы евреи?

– Не все вопросы сразу.

Русские посмеиваются, и тот, что помоложе, крепкий работник, закатывает глаза, удивляясь неведению новичка, не знающего пока своего статуса в лагере.

– Мы не евреи, мы русские солдаты. Мы отстали от своей части, и долбаные фашисты взяли нас в плен и заставили работать. А ты? Еврей?

– Да. Я из большой группы, привезенной вчера из Словакии. Все евреи.

Русские переглядываются. Старший отворачивается, закрыв глаза и обратив лицо к солнцу, предоставив своему товарищу продолжить разговор.

– Оглянись вокруг. Отсюда видно, как много блоков еще строится и какую территорию им надо продолжать расчищать.

Лале приподнимается на локтях и оглядывает обширное пространство внутри забора под током. Вдаль простираются ряды бараков наподобие того, который он помогает строить. Мысль о том, чем может стать это место, повергает его в ужас. Не желая обнаружить свое отчаяние, он не знает, что сказать. Сев на прежнее место, он отворачивается от товарищей и пытается совладать со своими чувствами. Не надо никому доверять, не надо много рассказывать о себе, следует быть осторожным...

Рабочий пристально смотрит на него:

– Я слышал, как эсэсовцы хвастались, что это будет самый большой концлагерь.

– Это правда? – переспрашивает Лале громким шепотом. – Ну, если нам предстоит вместе его строить, мог бы сказать, как тебя зовут.

– Андрей. А этот большой олух – Борис. Он почти не разговаривает.

– Здесь за разговоры могут и убить, – бормочет Борис, протягивая Лале руку.

– Что еще вы могли бы мне рассказать о здешних людях? – спрашивает Лале. – И кто такие эти капо, черт подери?

– Скажи ему сам, – зеваает Борис.

– Ну, здесь есть еще русские солдаты вроде нас, но их немного, и есть разные треугольники.

– Такие, как зеленый треугольник на одежде у моего капо? – спрашивает Лале.

Андрей смеется:

– О-о, зеленые – хуже всего. Это уголовники: убийцы, насильники, всякие такие. Из них получают хорошие охранники, поскольку люди они ужасные. – Помолчав, он продолжает: – Другие попали сюда из-за своих антифашистских взглядов. Они носят красный треугольник. Есть немного с черным треугольником – это лентяи, которые долго не протянут. И наконец, есть ты и твои друзья.

– Мы носим желтую звезду.

– Да, вы носите звезду. Ваше преступление в том, что вы – евреи.

– А почему вы не носите никакого знака? – спрашивает Лале.

– Мы просто враги, – пожимает плечами Андрей.

– Они унижают нас тем, что раздают всем нашу военную форму, – фыркает Борис. – Хуже этого нельзя было придумать.

Звучит свисток, и трое мужчин принимаются за работу.

* * *

Тем вечером заключенные из блока 7 собираются небольшими группами, чтобы поговорить, поделиться тем, что успели узнать, и задать друг другу вопросы. Некоторые уходят в дальний конец барака, где возносят молитвы своему Богу. Эти молитвы какие-то непонятные. Молятся ли они о наставлениях, мщении или примирении с реальностью? Лале кажется, что без наставлений раввина каждый человек молится о том, что для него наиболее важно. И он решает, что это правильно. Он ходит между группами, слушает, но не принимает участия в разговоре.

* * *

К концу первого дня Лале выудил все возможные сведения у своих русских товарищей. Оставшиеся дни недели он руководствуется своими соображениями: ходит с опущенной головой, делает, что ему велят, никогда не спорит. В то же время он наблюдает за всеми и за всем происходящим вокруг. Глядя на конструкцию новых строений, он осознает, что немцы ничего не смыслят в архитектуре. Там, где возможно, он прислушивается к разговорам и пересудам эсэсовцев, не знающих, что он их понимает. Они дают ему единственное доступное для него оружие – информацию, и он запасает ее впрок. Большую часть дня эсэсовцы стоят вокруг, курят, прислонясь к стенам, глядя на все вполглаза. Подслушивая, Лале узнает, что комендант лагеря Хёсс – ленивый

ублюдок, почти никогда не показывающийся на людях, и что условия для немцев в Освенциме лучше, чем в Биркенау, где им не выдают сигарет или пива.

Лале выделяет из всех одну группу рабочих. Они держатся особняком, носят гражданскую одежду и без боязни разговаривают с эсэсовцами. Лале намерен узнать, кто эти люди. Эти заключенные никогда не берутся за доски или черепицу, а свободно разгуливают по лагерю по своим делам. Его капо – один из них. Как получить подобную работу? Такое положение легче позволило бы ему узнать о происходящем в лагере, о планах в отношении Биркенау и, что более важно, о собственных перспективах.

* * *

Лале на крыше укладывает черепицу под горячими лучами и тут замечает идущего в их сторону капо.

– Давайте, ленивые придурки, шевелитесь! – кричит Лале. – Нам нужно закончить барак!

Он продолжает отдавать команды, когда внизу появляется капо. Лале взял в привычку приветствовать его почтительным кивком. Один раз заметил ответный кивок. Говорили они по-польски. По крайней мере, капо воспринимает его как подобострастного заключенного, с которым не будет проблем.

Капо бегло улыбается Лале и делает ему знак спуститься с крыши. Лале подходит к нему с опущенной головой.

– Тебе нравится эта работа на крыше? – спрашивает капо.

– Я буду делать то, что мне велят.

– Но каждый хочет облегчить себе жизнь, да? – (Лале ничего не отвечает.) – Мне нужен помощник. – Капо тербит истрепанный край своей гимнастерки от русской военной формы.

Гимнастерка ему велика, в ней этот щуплый человек должен казаться больше и сильнее тех, кем он командует. Из щербатого рта до Лале доносится резкий

запах полупереваренного мяса.

– Будешь выполнять мои поручения. Приносить мне еду, чистить сапоги. Ты должен быть рядом, как только я позову. Выполняй это, и я смогу облегчить тебе жизнь. Если подведешь меня, тебе не поздоровится.

Лале встает рядом с капо, тем самым отвечая на его предложение о работе. Интересно, думает он, заключаю ли я сделку с дьяволом, превращаясь из строителя в слугу?

* * *

В прекрасный весенний день, не слишком жаркий, Лале наблюдает, как большой закрытый фургон проезжает мимо места, где обычно разгружают строительные материалы. Фургон скрывается за административным зданием. Лале знает, что неподалеку находится пограничный забор, и он ни разу не отваживался зайти в эту зону, но на этот раз любопытство победило. Он идет за фургоном с мыслью: я здесь живу и могу идти, куда захочу.

Остановившись, он выглядывает из-за угла здания. Фургон тормозит у какого-то странного автобуса, видимо приспособленного под склад. Окна его заколочены металлическими листами. Лале видит, как из фургона выводят десятки голых мужчин и ведут к автобусу. Некоторые идут по своей воле. Тех, кто сопротивляется, бьют прикладами винтовок. Другие заключенные волокут несогласных навстречу общей судьбе.

Автобус настолько заполнен, что последние поднимаются на ступени на цыпочках, а их голые зады высовываются из двери. Офицеры всей тяжестью наваливаются на тела. Потом с силой захлопывают дверь. Один обходит автобус, стучит по металлическим листам, проверяя, все ли в порядке. Какой-то проворный немец забирается на крышу с канистрой в руках. Не в силах пошевелиться, Лале смотрит, как тот открывает небольшой люк на крыше автобуса и выливает туда содержимое канистры. Потом захлопывает крышку люка и запирает ее на защелку. Конвоир быстро спускается вниз, а автобус яростно трясется, и из него раздаются приглушенные крики.

Лале падает на колени, его рвет. Распростершись в грязи, он слышит, как крики стихают.

Когда все в автобусе умолкает, двери открывают. Оттуда, как каменные глыбы, вываливаются мертвые тела.

Из-за другого угла здания выводят группу заключенных. Фургон подъезжает задним ходом, и заключенные, спотыкаясь под тяжестью и пытаясь скрыть свой ужас, принимаются складывать в него тела. Лале стал свидетелем невообразимого действия. Он с трудом поднимается на ноги. У него такое чувство, будто он стоит на пороге преисподней. В душе его бушует буря.

На следующее утро он не может встать. Он весь горит.

* * *

Только через семь дней Лале приходит в сознание. Кто-то осторожно льет воду ему в рот. Он чувствует на лбу влажную тряпку.

– Вот так, мальчик, – произносит голос. – Не волнуйся.

Лале открывает глаза и видит незнакомого мужчину старше себя, который ласково заглядывает ему в лицо. Он приподнимается на локтях, и незнакомец помогает ему сесть. Лале в замешательстве оглядывается по сторонам. Какое сегодня число? Где он?

– Свежий воздух тебе не повредит, – говорит мужчина, придерживая Лале за локоть.

Ему помогают выйти в безоблачный день, словно созданный для радости, и он вздрагивает, припоминая последний такой же день. Все кружится у него перед глазами, и он спотыкается. Поддерживая его, незнакомец подводит Лале к ближайшему штабелю досок.

Закатав рукав Лале, он указывает на вытатуированный номер.

- Меня зовут Пепан. Я татуировщик. Что скажешь о моей работе?
- Татуировщик? – переспрашивает Лале. – Хочешь сказать, это сделал ты?
- У меня не было выбора, – пожимает плечами Пепан, глядя прямо в глаза Лале.
- Не этот номер выбрал бы я себе в качестве первой татуировки, – качает головой Лале.
- А что бы ты предпочел? – спрашивает Пепан, и Лале застенчиво улыбается. – Как ее зовут?
- Мою девушку? Не знаю. Мы пока не встретились.

Пепан фыркает. Двое дружелюбно молчат. Лале проводит пальцем по цифрам на руке.

- Что у тебя за акцент? – спрашивает Лале.
- Я француз.
- А что со мной было? – наконец спрашивает Лале.
- Сыпной тиф. Ты едва не умер.

Лале вздрагивает:

- Тогда почему я сижу здесь с тобой?
- Я проходил мимо твоего барака как раз в тот момент, когда тебя швырнули на тележку с мертвецами и умирающими. Какой-то парень умолял эсэсовца оставить тебя, обещая за тобой ухаживать. Когда они вошли в следующий барак, он скинул тебя с тележки и поволок в свой барак. Я подошел и помог ему.
- Давно это было?

– Семь или восемь дней назад. Соседи по бараку ухаживали за тобой по вечерам и ночью. А я был с тобой днем, когда получалось. Как ты себя чувствуешь?

– Нормально. Не знаю даже, что сказать, как тебя благодарить.

– Благодарю того человека, который столкнул тебя с тележки. Именно его смелость вырвала тебя из лап смерти.

– Поблагодарю, когда узнаю, кто это. А ты не знаешь?

– Нет. Прости. Мы не познакомились.

На несколько мгновений Лале закрывает глаза, подставляя лицо солнечному теплу и впитывая из него энергию, волю, желание жить. Он распрямляет поникшие плечи, и к нему возвращается решимость. Он все-таки жив. Поднявшись на трясущихся ногах, он потягивается, стараясь вдохнуть новую жизнь в хилое тело, нуждающееся в отдыхе, питании и питье.

– Садись, ты еще слишком слаб.

Соглашаясь с очевидным, Лале так и делает. Только теперь спина его прямее, голос тверже. Он улыбается Пепану. Старина Лале вернулся и жаждет информации почти так же сильно, как еды.

– Вижу, ты носишь красную звезду.

– Ах да. В Париже я преподавал в университете и был слишком открытым, на свою беду.

– Что ты преподавал?

– Экономику.

– И, будучи преподавателем экономики, ты попал сюда? Каким образом?

– Понимаешь, Лале, человек, читающий лекции о налогообложении и процентной ставке, поневоле вовлекается в политику страны. Политика поможет тебе понять мир, а в какой-то момент ты перестаешь его понимать, и потом из-за политики тебя бросают в лагерь военнопленных. Как из-за политики, так и из-за религии.

– И ты вернешься к той жизни после освобождения?

– Оптимист! Я не знаю, что ждет меня в будущем, и ты тоже не знаешь.

– Значит, никакого магического кристалла?

– Нет, конечно.

Не обращая внимания на шум строительства, лай собак и крики конвойных, Пепан наклоняется вперед и спрашивает:

– У тебя и характер такой же сильный, как организм?

Лале встречается взглядом с Пепаном:

– Я должен выстоять.

– Твоя сила может обернуться слабостью, если учесть обстоятельства, в которых мы оказались. Обаяние и приветливая улыбка могут навлечь на тебя беду.

– Я справлюсь.

– Что ж, тогда, быть может, я смогу помочь тебе выжить здесь.

– У тебя есть друзья наверху?

Пепан смеется и хлопает Лале по спине:

– Нет. Никаких друзей наверху. Я ведь говорил тебе, что я татуировщик. И мне сказали, что очень скоро сюда будут привозить куда больше людей.

Некоторое время Лале обдумывает эту мысль. Где-то там какой-то человек принимает решения, выдергивая людей – откуда? Как они решают, кого сюда везти? На каких сведениях основываются эти решения? Раса, религия или политика?

– Ты заинтриговал меня, Лале. Меня к тебе тянуло. У тебя была сила, заметная даже в больном теле. Она привела тебя сюда, и вот ты сидишь передо мной.

Лале слышит слова, но в душе противится им. Они сейчас находятся в таком месте, где люди умирают каждый день, каждый час, каждую минуту.

– Хочешь поработать со мной? – Голос Пепана выводит Лале из задумчивости. – Или ты доволен той работой, которую тебя заставляют делать?

– Я изо всех сил стараюсь выжить.

– Тогда прими мое предложение.

– Хочешь, чтобы я татуировал людей?

– Кто-то должен этим заниматься.

– Боюсь, не смогу. Оставлять на теле шрамы, причинять кому-то боль... Знаешь, это трудно.

Пепан закатывает рукав, показывая собственный номер:

– Чертовски трудно. Если не возьмешься за эту работу, возьмется кто-нибудь менее добрый и станет причинять людям больше боли.

– Работать на капо – не то же самое, что колоть иглой сотни невинных людей.

Наступает долгая пауза. Лале вновь погружается в мрачное раздумье. Неужели у тех, кто принимает решения, есть жены, дети, родители? Вряд ли.

– Можешь говорить себе что угодно, но ты все же кукла в руках нацистов. Работашь со мной, или на капо, или строишь бараки – все равно делаешь их грязную работу.

– А ты умеешь расставлять все по местам.

– Ну так как?

– Тогда да. Если сможешь это устроить, я буду на тебя работать.

– Не на меня. Со мной. Но ты должен работать быстро и эффективно, не конфликтуя с эсэсовцами.

– Хорошо.

Пепан встает, собираясь уйти. Лале хватает его за рукав:

– Пепан, почему ты выбрал меня?

– Я видел, как голодающий парень рисковал жизнью, чтобы спасти тебя. Полагаю, ты стоишь того, чтобы быть спасенным. Зайду за тобой завтра утром. А пока отдохни.

* * *

В тот вечер, когда возвращаются его товарищи, Лале замечает, что Арона нет. Он спрашивает двоих, спавших на одной койке с Ароном, что с ним случилось и давно ли его нет.

– Около недели, – следует ответ.

У Лале внутри все холодеет.

– Капо не мог тебя найти. Арон мог бы сказать, что ты заболел, но побоялся, что тебя опять отправят на тележку с мертвецами, поэтому сказал, что ты уже умер.

– И капо обнаружил правду?

– Нет. – Измученный работой мужчина зевает. – Но капо так взбесился, что забрал Арона.

Лале пытается сдержать слезы.

Второй сосед по бараку перекачивается на локоть.

– Ты увлек его благородными идеями. Ему хотелось спасти хотя бы одного человека.

– Спасти одного – значит спасти мир, – завершает Лале фразу.

Заключенные на время умолкают. Лале смотрит в потолок, смахивая слезы. Арон не первый, кто погибает здесь, и не последний.

– Спасибо вам, – говорит он.

– Мы пытались продолжить начатое Ароном, старались спасти человека.

– Мы сменяли друг друга, – говорит паренек снизу, – тайком приносили воду и насильно кормили тебя своим хлебом.

Другой подхватывает историю. Он поднимается с нижней койки – изможденный, с мутными голубыми глазами и глухим голосом, но все же жаждущий рассказать свою часть истории.

– Мы меняли твою промокшую одежду. Брали другую у тех, кто умирал ночью.

Теперь Лале не в силах сдержать слезы, и они бегут по худым щекам.

– Не могу...

Он ничего не может поделать, но он исполнен благодарности. Он понимает, что за ним долг, который он не в силах отдать здесь и сейчас, а практически –

никогда.

Он засыпает под задушевные еврейские песнопения людей, не утративших веру.

* * *

На следующее утро Лале стоит в очереди на завтрак, когда рядом появляется Пепан, молча берет его за руку и уводит в сторону главного лагеря. Там из машин выгружают человеческий груз. У Лале такое чувство, будто он смотрит сцену из классической трагедии. Некоторые актеры прежние, но большинство новых, их роли еще не написаны, не обозначены. Его жизненный опыт не помогает ему в понимании происходящего. Он как будто вспоминает, что был здесь прежде. Не как наблюдатель, а как участник. Какова будет его роль теперь? Он закрывает глаза и, мысленно глядя на свою левую руку, воображает, что видит себя другого. На руке нет номера. Вновь открыв глаза, он смотрит на татуировку на своей реальной левой руке, потом переводит взгляд на происходящее перед ним.

Он видит сотни новых заключенных, собранных здесь. Мальчики, юноши, все с выражением ужаса на лицах. Цепляются друг за друга, обхватывают себя руками. Эсэсовцы с собаками ведут их, как агнцев на заклание. Они подчиняются. Выживут они или умрут, этот день будет решающим. Лале не идет больше за Пепаном, он останавливается как вкопанный. Пепан возвращается и подводит Лале к небольшим столам с инструментом для татуировки. Тех, кто прошел отбор, выстраивают в линию перед их столом. На этих людях поставят клеймо. Прочие вновь прибывшие – старые, немощные, без выявленных навыков – ходячие мертвецы.

Раздается выстрел. Люди вздрагивают. Кто-то падает. Лале смотрит в направлении выстрела, а Пепан отворачивает его голову в сторону.

К Пепану и Лале направляется группа эсэсовцев, в основном молодых, под командой старшего офицера. От сорока пяти до пятидесяти лет, с прямой спиной, в безупречной форме, фуражка ловко сидит на голове – настоящий манекен.

Эсэсовец останавливается перед ними. Пепан выходит вперед, склонив перед офицером голову, а Лале смотрит на них.

– Обершарфюрер Хустек, я привлек этого заключенного в помощники. – Пепан указывает на стоящего сзади Лале, и Хустек поворачивается к Лале. – Надеюсь, он быстро научится.

Хустек сверлит Лале стальными глазами, затем манит к себе пальцем. Лале подчиняется.

– На каких языках ты говоришь?

– Словацкий, немецкий, русский, французский, венгерский и немного польский, – отвечает Лале, глядя ему в глаза.

– Хм! – Хустек отходит.

– Немногословный тип, – наклонившись, шепчет Лале Пепану. – Как я понимаю, мне дали эту работу?

Пепан поворачивается к Лале, у него горят глаза.

– Не надо его недооценивать, – тихо, но взволнованно говорит он. – Оставь эту браваду – или потеряешь жизнь. В следующий раз, когда будешь с ним разговаривать, смотри на его сапоги.

– Прости, – говорит Лале. – Ладно.

Когда же он научится?

Глава 3

Июнь 1942 года

Лале медленно просыпается, не в силах отрешиться от сна, вызвавшего улыбку на его лице. Погоди, погоди, дай мне остаться здесь еще хоть на миг, пожалуйста...

Лале нравится общаться со всякими людьми, но особенно с женщинами. Он их всех считает красивыми, независимо от возраста, внешности и платья. Самый яркий момент его ежедневной рутины – это когда он проходит по отделу женской одежды, где служит. Вот тогда он флиртует с молодыми и не очень молодыми женщинами, работающими за прилавком.

Лале слышит, как открываются главные двери универмага. Он поднимает глаза: в магазин торопливо входит женщина. Позади нее в дверях стоят два словацких солдата, но не идут за ней. Он спешит к ней с ободряющей улыбкой:

– Все в порядке. Здесь вы в безопасности.

Он предлагает ей руку и ведет к прилавку с флаконами изысканных духов. Выбрав из нескольких один, он протягивает ей флакон. Она игриво поворачивает к нему шею. Лале чуть сбрызгивает сначала одну, потом другую сторону ее шеи. Их глаза встречаются. Она вытягивает вперед обе руки, и каждая получает свою награду. Она подносит к носу запястье одной руки, закрывает глаза и слегка втягивает воздух. То же запястье предлагается Лале. Осторожно взяв руку девушки, он подносит ее к лицу и вдыхает опьяняющую смесь духов и юности.

– Да, – говорит Лале. – Это как раз для вас.

– Я возьму.

Лале вручает флакон ожидающей продавщице, и та принимается его заворачивать.

– Могу ли я чем-то еще вам помочь?

Перед ним проносятся лица, вокруг него кружатся в танце улыбающиеся молодые женщины, счастливые, живущие полной жизнью. Лале предлагает руку даме, которую встретил в отделе женской одежды и косметики. Похоже, его сон разворачивается дальше. Лале с дамой заходят в роскошный ресторан, неярко

освещенный настенными бра. На столах, покрытых тяжелыми жаккардовыми скатертями, мерцают свечи. Дорогие ювелирные украшения отбрасывают на стены цветные блики. В углу вырисовывается силуэт струнного квартета, нежные звуки музыки смягчают звон серебряных приборов о тонкий фарфор. Швейцар тепло приветствует гостей, забирает пальто у спутницы Лале и провожает их к столику. Как только они садятся, метрдотель показывает Лале бутылку вина. Не отрывая глаз от спутницы, Лале кивает. Бутылку открывают и разливают вино. Лале и дама, продолжая смотреть друг на друга, поднимают бокалы и отпивают вино. Сон Лале вновь несется вперед. Он вот-вот проснется. Нет. Теперь он роется в своем шкафу, выбирая костюм, рубашку, перебирая галстуки, пока не находит нужный, и аккуратно завязывает его. Надевает начищенные ботинки. Достает из прикроватной тумбочки ключи и бумажник, а потом, наклонившись, отводит прядь волос с лица спящей женщины и легким поцелуем касается ее лба. Зашевелившись, она улыбается и произносит хрипловатым голосом:

– Сегодня вечером...

* * *

Выстрелы снаружи грубо возвращают Лале к действительности. Его тормозят напуганные товарищи. Он как будто еще чувствует рядом ее теплое тело. Кое-как поднявшись, на переключку он является последним. Его толкает в бок сосед: Лале не смог отозваться на свой номер.

– Что случилось?

– Ничего... Всё. Это место.

– То же место, что и вчера. И будет тем же завтра. Ты учил меня этому. Что для тебя изменилось?

– Ты прав. То же самое, то же самое. Просто, понимаешь, мне приснилась девушка, которую я когда-то знал, в другой жизни.

– Как ее звали?

– Не могу вспомнить. Это не важно.

– Значит, ты не был в нее влюблен?

– Я любил их всех, но почему-то ни одна не завладела моим сердцем.

– В этом есть какой-то смысл?

– Не совсем. Я бы согласился иметь одну любимую девушку, чтобы провести с ней всю жизнь.

* * *

Несколько дней идет дождь, но этим утром солнце намерено пролить немного света на хмурый лагерь Биркенау, пока Лале с Пепаном подготавливают свое рабочее место. У них два стола, бутылки с чернилами и множество игл.

– Приготовься, Лале, вот они идут.

Лале поднимает глаза и замирает: к ним ведут десятки молодых женщин. Он знал, что в Освенциме есть девушки, но не здесь, не в Биркенау, не в этом адовом аду.

– Лале, сегодня все немного по-другому. Сюда привезли девушек из Освенцима, и некоторым надо подновить номера.

– Что?

– Их номера поставлены плохим клеймом. Нам придется поставить их как следует. Лале, не время восхищаться девушками. Просто делай свою работу.

– Не могу.

– Выполняй работу, Лале. Не говори ни слова ни с одной из них. Не надейся на глупостей.

Длинная вереница молодых девушек тянется вдаль.

– Я не могу это сделать. Пожалуйста, Пепан, мы не можем.

– Ты сможешь, Лале. Должен. Если не сделаешь ты, то сделает кто-нибудь другой и пропадут все мои усилия спасти тебя. Просто выполни свою работу.

Пепан выдерживает упорный взгляд Лале. Того до костей пробирает ужас. Пепан прав. Ему надо следовать правилам, или он рискует погибнуть.

Лале приступает к «работе». Старается не поднимать глаз. Он протягивает руку и получает клочок бумаги. Ему надлежит перенести пять цифр на руку девушки, держащей этот листок. Там уже есть номер, но он потускнел. Лале осторожно втыкает иглу в ее левую руку, делая цифру «3». Из ранки сочится кровь. Но игла вошла недостаточно глубоко, и ему приходится вновь выбивать цифру. Лале причиняет девушке боль, но она даже не вздрагивает. Их предупредили: ничего не говорите, ничего не делайте. Он промокает кровь и втирает в ранку зеленые чернила.

– Поторопись! – шепчет Пепан.

Лале возится слишком долго. Одно дело – наносить татуировку на руки мужчин, но уродовать тела молодых девушек – это ужасно. Подняв глаза, Лале видит мужчину в белом халате, медленно идущего вдоль шеренги. То и дело он останавливается и оглядывает лицо и фигуру какой-нибудь испуганной молодой женщины. Наконец он подходит к Лале. В то время как Лале осторожно держит руку девушки, тот мужчина обхватывает ее лицо ладонями и грубо поворачивает из стороны в сторону. Лале поднимает взгляд и видит ее испуганные глаза. Ее губы шевелятся, она собирается что-то сказать. Чтобы остановить ее, Лале крепко сжимает ее руку. Она смотрит на него, и он шепчет:

– Ш-ш-ш.

Мужчина в белом халате отпускает ее и идет дальше.

– Отлично, – шепчет Лале, принимаясь наносить оставшиеся четыре цифры: 4 9 0 2.

Закончив, он удерживает ее руку в своей на миг дольше, чем необходимо, и вновь заглядывает ей в глаза. И выдавливает из себя робкую улыбку. Она чуть заметно улыбается в ответ. Ее глаза как будто пляшут перед его взором. Глядя в эти глаза, он чувствует, что у него остановилось сердце, но в тот же миг оно начинает сильно биться, едва не выпрыгивая из груди. Он опускает глаза в землю, и она качается под ним. Ему протягивают следующий листок бумаги.

– Лале, поторопись! – нетерпеливо шепчет Пепан.

Он вновь поднимает глаза, но ее уже нет.

* * *

Несколько недель спустя Лале, как обычно, является на работу. Его стол и инструменты уже приготовлены, и он в тревоге выискивает глазами Пепана. К нему направляется толпа мужчин. Его пугает появление обершарфюрера Хустека, которого сопровождает молодой эсэсовец. Лале склоняет голову, вспоминая слова Пепана: «Не стоит его недооценивать».

– Сегодня ты работаешь один, – бубнит Хустек.

Когда Хустек поворачивается, собираясь уйти, Лале тихо спрашивает:

– Где Пепан?

Хустек останавливается, оборачивается и сердито глядит на него. У Лале замирает сердце.

– Теперь татуировщик – ты. – Хустек поворачивается к эсэсовцу. – А ты за него отвечаешь.

Когда Хустек уходит, эсэсовец берет винтовку на плечо и прицеливается в Лале. Лале не отводит взгляда от черных глаз тощего парня, а тот злобно ухмыляется. В конце концов Лале опускает глаза. Пепан, ты сказал, что эта работа может спасти мне жизнь. Но что случилось с тобой?

– Похоже, моя судьба в твоих руках, – рычит офицер. – Что скажешь на это?

– Постараюсь вас не подвести.

– Постараешься? Больше, чем постараться. Просто ты меня не подведешь.

– Да, господин.

– В каком ты блоке?

– Номер семь.

– Когда здесь закончишь, я покажу тебе твою комнату в новом блоке. Теперь будешь жить там.

– Меня устраивает мой блок, господин.

– Не дури. Как татуировщику, тебе понадобится охрана. Теперь ты работаешь на политическое крыло СС. Черт, может, и мне надо тебя бояться! – Он вновь ухмыляется.

Выдержав этот допрос, Лале решается испытать судьбу.

– Знаете, дело пойдет быстрее, если у меня будет помощник.

Эсэсовец делает шаг к Лале, презрительно оглядывая его с головы до ног:

– Что?

– Если вы пришлете кого-нибудь мне в помощь, то дело пойдет быстрее и ваш начальник будет доволен.

Как по команде Хустека, офицер поворачивается и проходит вдоль шеренги молодых людей, ожидающих своей очереди на татуировку. Все стоят с опущенными головами, кроме одного. Лале страшно за того, который смотрит на офицера, и он удивляется, когда его вытаскивают из шеренги и подводят к

Лале.

– Твой помощник. Сделай номер ему первому.

Лале берет у молодого человека клочок бумаги и быстро наносит татуировку ему на руку.

– Как тебя зовут? – спрашивает он.

– Леон.

– Леон, я Лале, татуировщик, – произносит он твердым, как у Пепана, голосом. – Встань рядом со мной и смотри, что я делаю. С завтрашнего дня будешь работать со мной в качестве помощника. Это может спасти тебе жизнь.

* * *

Когда последний заключенный со свежей татуировкой отправляется в новое обиталище, солнце уже успело сесть. Охранник Лале по имени Барецки держится на расстоянии пары метров. Он подходит к Лале и его новому ассистенту:

– Отведи его в свой барак, а потом возвращайся сюда.

Лале быстро отводит Леона в блок 7:

– Жди меня у барака утром, я приду и заберу тебя. Если твой капо захочет узнать, почему ты не идешь с остальными на стройку, скажи, что теперь работаешь с татуировщиком.

* * *

Вернувшись на свое рабочее место, Лале видит, что его инструменты убраны в плоский чемоданчик, а стол сложен. Барецки стоит и ждет его:

– Отнеси это в свою новую комнату. Каждое утро приходи в администрацию за инструментами и материалами и получай инструкции, где будешь работать в этот день.

– Можно получить дополнительный стол и инструменты для Леона?

– Кто это?

– Мой ассистент.

– Проси в администрации все, что тебе нужно.

Охранник отводит Лале в ту часть лагеря, которая еще застраивается. Многие здания не закончены, и жуткая тишина заставляет Лале поежиться. Один новый блок готов, и Барецки показывает Лале отдельную комнатку, размещенную сразу у двери.

– Будешь спать здесь, – говорит Барецки.

Лале кладет чемоданчик с инструментами на пол и оглядывает маленькую изолированную комнатенку. Он уже скучает по друзьям из блока 7.

Затем из слов Барецки Лале узнает, что теперь он будет питаться рядом с административным корпусом. В должности татуировщика он будет получать дополнительный паек. Они идут на ужин, и Барецки объясняет:

– Мы хотим, чтобы наши работники набрались сил. – Он делает знак Лале занять место в очереди на ужин. – Ешь побольше.

Когда Барецки уходит, Лале наливают черпак жидкого супа и дают ломоть хлеба. Он проглатывает то и другое и собирается уйти.

– Если хочешь, можешь взять еще, – произносит жалобный голос.

Лале берет второй кусок хлеба, поглядывая на заключенных: те едят в молчании, не обмениваясь шутками, а лишь тайком переглядываясь. Он чувствует их подозрительность и страх. Засунув хлеб в рукав, Лале уходит к

своему старому жилищу, в блок 7. Войдя, кивает капо, которому, похоже, сообщили, что Лале больше ему не подчиняется. В бараке Лале отвечает на приветствия соседей, тех людей, с которыми делился страхами и мечтами о другой жизни. На его прежних нарах сидит Леон, болтая ногами. Лале смотрит в лицо молодому человеку. В его широко раскрытых голубых глазах угадывается подкупающая мягкость и открытость.

– Выйди со мной на минутку.

Леон спрыгивает с нар и идет за ним. Все глаза устремлены на них двоих. Зайдя за угол барака, Лале вытаскивает из рукава черствый ломоть и предлагает Леону: тот жадно съедает хлеб. Только покончив с ним, парень благодарит Лале.

– Я знал, что ты пропустишь ужин. Теперь я получаю дополнительный паек. Буду стараться делиться с тобой и другими, когда смогу. А сейчас иди обратно. Скажи им, что я вытащил тебя, чтобы отругать. И держи голову опущенной. Увидимся утром.

– Не хочешь, чтобы они узнали про твой дополнительный паек?

– Нет. Понимаешь, я не могу помочь всем им сразу, и не надо, чтобы они начали из-за этого ссориться.

Со смешанными невыразимыми чувствами смотрит Лале, как Леон входит в его прежний барак. Следует ли бояться теперь, когда я получил привилегии? Почему мне грустно терять прежнее положение в лагере, хотя я и лучше защищен? Лале входит в тень от недостроенных зданий. Ему одиноко.

В ту ночь Лале спит, вытянувшись впервые за много месяцев. Никто не лягает его, никто не толкает. Он чувствует себя королем на роскошном ложе. И, совсем как монарх, он должен теперь настороженно относиться к проявлениям дружбы или доверия со стороны людей. Завидуют ли они мне? Хотят ли получить мою работу? Подвергаюсь ли я риску быть несправедливо обвиненным в чем-то? Лале наблюдает здесь последствия жадности и недоверия. Большинство людей считают, что чем меньше народа, тем больше еды им достанется. Еда – как деньги. С ней останешься в живых. У тебя появляется сила делать то, что требуется. Ты можешь прожить еще один день. Без еды слабеешь до такого состояния, когда уже все равно. Его новое положение усложняет выживание. Он

уверен, что, проходя мимо нар с измученными людьми, услышал, как кто-то пробормотал слово «предатель».

* * *

На следующее утро Лале стоит с Леоном у административного корпуса. Приходит Барецки и хвалит их за то, что пришли рано. Лале держит свой чемоданчик, а складной стол лежит на земле рядом. Барецки велит Леоны оставаться на месте, а Лале идти за ним в корпус. Лале осматривает обширную приемную. Он видит отходящие от нее коридоры с дверями в кабинеты. Позади высокой стойки – несколько рядов небольших столов, за которыми прилежно трудятся молодые девушки: подшивают в папки документы, что-то переписывают. Барецки представляет Лале эсэсовцу:

– Познакомьтесь с татуировщиком, – и напоминает ему, чтобы каждый день получал здесь расходные материалы и инструкции.

Лале просит дополнительный стол и инструменты, поскольку снаружи ждет ассистент. Просьба без лишних слов удовлетворяется. Лале с облегчением переводит дух. По крайней мере, он избавил одного человека от тяжелого труда. Он думает о Пепане и молча благодарит его. Он берет стол и засовывает в чемоданчик дополнительные расходные материалы. Лале уже собирается уйти, когда его окликают служащий:

– Постоянно носи с собой этот чемоданчик, говори, что ты из политотдела лагеря, и никто тебя не тронет. Каждый вечер приноси нам списки, но чемоданчик держи при себе.

Стоящий рядом Барецки фыркает:

– Это правда, с этим портфелем и этими словами тебе никто не страшен. Разве только я, конечно. Если напортачишь и доставишь мне неприятности, тебя не спасут ни портфель, ни разговоры.

Его рука тянется к пистолету, ложится на кобуру. Барецки резко расстегивает ее. Закрывает. Открывает. Закрывает. Он тяжело дышит.

Лале ведет себя по-умному: опускает глаза и отворачивается.

* * *

Транспорт прибывает в Освенцим-Биркенау в любое время дня и ночи. Для Лале и Леона не в диковинку работать круглые сутки. В такие дни Барецки проявляет свои самые неприятные качества. Он выкрикивает оскорбления или бьет Леона, обвиняя его в медлительности, из-за которой ему якобы не поспать. Лале быстро уясняет: от попыток вмешаться делается только хуже.

Как-то, когда они заканчивают работу ранним утром, Барецки собирается уйти, не дождавсь, когда Лале с Леоном соберут вещи. Потом он в нерешительности подходит к ним:

– Мать вашу, можете сами возвращаться в Биркенау! Я останусь спать здесь. В восемь утра вы должны быть на месте.

– А как мы узнаем время? – спрашивает Лале.

– Мне по фиг, как узнаете, просто будьте здесь. И даже не думайте сбежать. Я сам поймаю вас и пристрелю с большим удовольствием. – Он уходит нетвердой походкой.

– Что нам делать? – спрашивает Леон.

– То, что сказал этот придурок. Пошли, я подниму тебя вовремя, чтобы вернуться сюда.

– Я так устал. Нам нельзя здесь остаться?

– Нет. Если тебя не будет утром в бараке, тебя будут искать. Давай пошли.

* * *

Лале поднимается с солнцем, и они с Леоном пешком идут четыре километра до Освенцима. Появления Барецки им приходится ждать почти час. Очевидно, он не сразу лег спать, а пьянствовал. С похмелья он еще злее.

– Отправляйтесь! – рычит он.

Не видя новых заключенных, Лале неохотно спрашивает:

– Куда?

– Обратно в Биркенау. Туда привезли новую партию.

* * *

Пока все трое пешком идут четыре километра до Биркенау, Леон спотыкается и падает: его одолевает усталость и постоянное недоедание. Он с трудом поднимается. Барецки замедляет шаг, как будто дожидаясь Леоны. Но когда Леон нагоняет их, Барецки выставляет ногу, и парень вновь падает. Еще несколько раз за переход Барецки делает так. Похоже, ходьба и удовольствие от этой жестокой шутки разгоняют похмелье надзирателя. Каждый раз он ждет реакции Лале, но тщетно.

Придя в Биркенау, Лале с удивлением узнает, что сам Хустек занимается отбором тех, кого пошлют на клеймение к Лале и Леоны. Они принимаются за работу, а Барецки разгуливает взад-вперед вдоль шеренги юношей, стараясь выслужиться перед начальником. Неожиданный вопль какого-то юноши, которому Леон делает татуировку, пугает измученного парня. Он роняет инструмент и наклоняется, чтобы поднять его, но в это время Барецки ударяет его в спину прикладом винтовки и толкает лицом на землю. Потом ставит ногу ему на спину и надавливает.

– Мы быстрее сделаем работу, если вы позволите ему подняться и продолжать, – говорит Лале, видя, как тяжело и часто дышит Леон под сапогом Барецки.

К ним устремляется Хустек и бурчит что-то Барецки. Когда Хустек исчезает, Барецки с кривой ухмылкой сильнее придавливает спину Леоны, а потом убирает ногу с его спины.

– Я всего лишь смиренный слуга СС. Ты, Татуировщик, сейчас под протекцией политотдела, подотчетного только Берлину. Тебе повезло в тот день, когда француз представил тебя Хустеку и рассказал, что ты такой умный, говоришь на всех этих языках.

Лале ничего не отвечает и продолжает заниматься своим делом. Измазанный в грязи Леон, кашляя, поднимается с земли.

– Ну что, Татуировщик, – говорит Барецки с той же кривой ухмылкой, – останемся друзьями?

* * *

Преимущество службы татуировщика заключается в том, что Лале знает сегодняшнее число. Оно написано на бумагах, которые ему дают каждое утро и которые он возвращает каждый вечер. Не только документы говорят ему об этом. Воскресенье – единственный день на неделе, когда других заключенных не заставляют работать. Тогда они слоняются по лагерю или остаются около своих бараков, собираясь в небольшие группы. В лагере возникают дружеские связи.

И вот в воскресенье он видит ее. И сразу ее узнает. Она с группой девушек – все с бритыми головами, в одинаковой простой одежде – идет ему навстречу. Она ничем не отличается от остальных, за исключением глаз. Черных. Нет, карих. Он никогда не видел таких темных карих глаз. Во второй раз они заглядывают друг другу в душу. Сердце Лале на миг останавливается. Они никак не могут оторвать взгляд друг от друга.

– Татуировщик! – Нарушив очарование, Барецки кладет руку на плечо Лале.

Заключенные отходят в сторону, не желая быть рядом с эсэсовцем или заключенным, с которым тот разговаривает. Стайка девушек разбредается, остается она одна. Она смотрит на Лале, он смотрит на нее. Барецки переводит взгляд с одного на другого, и каждый ждет, когда кто-то отойдет в сторону. Барецки понимающе улыбается. Одна из подруг отважно выходит вперед и тащит девушку за собой.

– Очень мило, – говорит Барецки, когда они с Лале отходят.

Лале не обращает на него внимания, стараясь сдержать приступ ненависти.

– Хочешь встретиться с ней? – (Лале опять отказывается отвечать.) – Напиши ей, скажи, что она тебе нравится.

Неужели он думает, что я такой глупый?

– Я дам тебе бумагу и карандаш и передам ей письмо. Что скажешь? Знаешь, как ее зовут?

34902.

Лале идет дальше. Он знает: любого заключенного, пойманного с ручкой или бумагой, ждет смерть.

– Куда мы идем? – Лале меняет тему разговора.

– В Освенцим. Герру доктору нужны еще пациенты.

Лале пробирает дрожь. Он вспоминает мужчину в белом халате, его волосатые руки на лице красивой девушки. Никогда прежде слово «доктор» не вызывало у Лале такой тревоги.

– Но сегодня воскресенье.

– О-о, ты думаешь, раз другие не работают в воскресенье, ты тоже можешь бездельничать? Хочешь обсудить это с герром доктором? – Барецки заливается визгливым смехом, отчего по спине у Лале бегут мурашки. – Прошу, сделай это ради меня, Татуировщик. Скажи герру доктору, что это твой выходной. А я повеселюсь.

Лале знает, когда нужно замолчать. Он ускоряет шаг, несколько отдаляясь от Барецки.

Глава 4

По пути в Освенцим Барецки пребывает в приподнятом настроении и забрасывает Лале вопросами.

– Сколько тебе лет? Что ты делал раньше – до того, как тебя сюда привезли?

По большей части Лале отвечает вопросом на вопрос: он уже знает, что Барецки любит говорить о себе. Лале выясняет, что охранник всего на год моложе его, но на этом сходство кончается. Он говорит о женщинах, как подросток. Лале решает, что это различие между ними может ему пригодиться, и начинает исподволь учить его приятным манерам.

– Вы когда-нибудь дарили девушке цветы? – спрашивает Лале.

– Нет, а зачем?

– Затем что им нравятся мужчины, которые дарят цветы. Лучше даже самому их собрать.

– Ну, не стану я этого делать. Меня поднимут на смех.

– Кто? Хотите сказать, другие мужчины?

– Ну да. Подумают, я хлюпик.

– А что, по-вашему, подумает девушка, когда получит цветы?

– Какая разница, что она подумает? – Ухмыльнувшись, Барецки трогает себя за пах. – Это все, что мне от них надо, и все, что им надо от меня. Я-то в этом понимаю.

Лале уходит вперед. Барецки догоняет его:

– В чем дело? Я сказал что-то не то?

– Правда хотите, чтобы я ответил?

– Угу.

Лале поворачивается к нему:

– У вас есть сестра?

– Угу, – отвечает Барецки, – две.

– Разве вы хотите, чтобы другие мужчины обращались с вашими сестрами так, как вы обращаетесь с девушками?

– Пусть только кто-нибудь попробует сделать это моей младшей сестричке, и я убью его. – Барецки вынимает из кобуры пистолет и несколько раз выпаливает в воздух. – Пристрелю мерзавца!

Лале отскакивает назад. Вокруг разносится эхо от выстрелов. Барецки тяжело дышит, у него покраснело лицо и потемнели глаза.

Лале поднимает руки:

– Уловил. Есть о чем подумать.

– Не хочу больше об этом говорить.

* * *

Лале выясняет, что Барецки не немец, он родился в Румынии, в небольшом городке близ границы со Словакией, всего в нескольких сотнях километров от Кромпахи, родного города Лале. Барецки сбежал из дому в Берлин, вступил в гитлерюгенд, а затем в СС. Он ненавидит отца, жестоко избивавшего его, братьев и сестер. Он по-прежнему беспокоится о сестрах – одной младшей и одной старшей, – которые живут дома.

Позже в тот вечер, на обратном пути в Биркенау, Лале тихо говорит:

– Если не возражаете, я воспользуюсь вашим предложением дать мне бумагу и карандаш. Ее номер 34902.

После ужина Лале бесшумно проскальзывает в блок 7. Капо сердито смотрит на него, но ничего не говорит.

Лале делится с товарищами по бараку дополнительным вечерним пайком – это всего лишь несколько сухарей. заключенные разговаривают, обмениваются новостями. Как обычно, верующие приглашают Лале к вечерней молитве. Он вежливо отказывается, и его отказ вежливо принимается. Это привычная процедура.

* * *

Лале просыпается в своей комнатухе и видит стоящего над ним Барецки. Тот не постучал, перед тем как войти – он никогда этого не делает, – но этот визит чем-то отличается от других.

– Она в блоке двадцать девять. – Он вручает Лале карандаш и клочок бумаги. – Вот, напиши ей, а я позабочусь, чтобы доставили.

– Вы знаете, как ее зовут?

Взгляд Барецки отвечает на этот вопрос. А как ты думаешь?

– Я вернусь через час и заберу записку.

– Пусть будет через два.

Лале мучительно раздумывает над первыми словами, которые намерен написать заключенной номер 34902. Как начать? Как к ней обратиться? В конце концов он решает написать просто: «Привет, меня зовут Лале». Когда Барецки возвращается, он вручает ему листок с несколькими предложениями. Он написал ей, сколько ему лет, что он из Кромпахи в Словакии, перечислил своих

родных. Он просит ее прийти к административному корпусу утром в воскресенье. Объясняет, что постарается тоже быть там, а если не сможет, то из-за работы, не такой регламентированной, как у других.

Барецки берет письмо и читает его, стоя перед Лале:

– Это все, что ты хочешь сказать?

– Остальное скажу при личной встрече.

Барецки садится на койку Лале и, наклонившись к нему, начинает хвастливо рассказывать, что бы написал он, что хотел бы сделать на месте Лале, который не знает, доживет ли до конца следующей недели. Лале благодарит его за информацию, но говорит, что предпочитает рискнуть.

– Отлично. Я отнесу ей это так называемое письмо и дам карандаш и бумагу для ответа. Скажу, что приду завтра утром. Пусть ночью подумает, нравишься ты ей или нет. – Выходя из комнаты, он криво ухмыляется Лале.

Что я наделал? Он подвергает опасности заключенную 34902. Он-то под защитой. Она – нет. И все же он хочет, стремится рискнуть.

* * *

На следующий день Лале и Леон работают до позднего вечера. Барецки постоянно околачивается неподалеку, часто демонстрируя свою власть стоящим в шеренге заключенным, и, если ему не нравится чей-то взгляд, пускает в дело приклад винтовки. С лица охранника не сходит злобная ухмылка. Он явно наслаждается, с важным видом прохаживаясь вдоль строя. И только когда Лале с Леоном принимаются укладывать свои принадлежности, он достает из кармана френча листок бумаги и протягивает его Лале.

– Ах, Татуировщик, – говорит он, – она не много написала. Думаю, тебе следует выбрать себе другую девушку.

Лале тянется к записке, но Барецки игриво отдергивает руку. Ладно, хочешь поиграть. Лале поворачивается и уходит прочь. Барецки нагоняет его и отдает

записку. Лале лишь сухо кивает. Положив записку в портфель, он идет на раздачу ужина. Леон направляется к своему барaku. Лале понимает, что тот, возможно, опоздал на свою раздачу.

Ко времени прихода Лале еды остается совсем мало. Поев, он запихивает в рукав несколько кусков хлеба, мысленно сетуя на то, что его русскую военную форму заменили на робу без карманов. Войдя в блок 7, он слышит привычный негромкий хор приветствий. Он объясняет, что у него есть еда только для Леона и, может быть, еще двоих, и обещает, что завтра постарается добыть больше. Он остается там совсем ненадолго и спешит в свою комнату. Ему необходимо прочитать записку, запрятанную под инструментами.

Он бросается на койку и прижимает листок к груди. Представляет себе, как заключенная 34902 пишет слова, которые он жаждет прочитать. Наконец он разворачивает записку.

«Дорогой Лале», – так начинается письмо. Как и он сам, женщина написала лишь несколько осторожных строчек. Она тоже из Словакии. Она находится в Освенциме дольше Лале, с марта. Работает на одном из складов «Канада», где заключенные сортируют конфискованные у жертв вещи. Она будет в лагере в воскресенье. И поищет его. Лале перечитывает записку и несколько раз переворачивает листок. Взяв из портфеля карандаш, он с нажимом пишет на обороте письма: «Твое имя, как тебя зовут?»

* * *

На следующее утро Барецки сопровождает в Освенцим одного Лале. Новая партия невелика, и Леон может денек отдохнуть. Барецки принимается поддразнивать Лале по поводу записки: что он, мол, потерял контакт с дамами. Лале игнорирует это, спрашивая его, прочитал ли он за последнее время какие-нибудь хорошие книги.

– Книги? – бурчит Барецки. – Я не читаю книг.

– А стоило бы.

– Зачем? Какой толк в книгах?

– Из них можно многое узнать, и девушкам нравится, когда цитируешь что-то из книги или читаешь стихи.

– Мне нет нужды цитировать книги. У меня есть военная форма – это все, что нужно, чтобы заполучить девчонок. Они любят форму. У меня есть подружка, знаешь ли, – хвастается Барецки.

Для Лале это новость.

– Это хорошо. И ей нравится твоя форма?

– Конечно. Она даже надевает ее и марширует по комнате, отдавая честь, словно она чертов Гитлер. – С ужасным хохотом он передразнивает ее, важно прохаживаясь с поднятой рукой. – Хайль Гитлер! Хайль Гитлер!

– То, что ей нравится твой мундир, не означает, что ей нравишься ты! – выпаливает Лале.

Барецки застывает на месте.

Лале ругает себя за неосторожное замечание. Он замедляет шаг, раздумывая, стоит ли вернуться и извиниться. Нет, он пойдет дальше и посмотрит, что произойдет. Прикрыв глаза, он продвигается вперед мелкими шажками, ожидая, что прогремит выстрел. Потом слышит за собой топот бегущих ног, и кто-то дергает его за рукав:

– Так вот что ты думаешь, Татуировщик? Что она любит меня за военную форму?

Лале с облегчением поворачивается к нему:

– Откуда я знаю, что она любит? Может, расскажешь о ней?

Ему совсем не хочется продолжать этот разговор, но, избежав пули, он чувствует, что у него нет выбора. Как выясняется, Барецки почти ничего не знает о своей подружке, в основном потому, что никогда не расспрашивал ее. Лале никак не может это проигнорировать и безотчетно продолжает засыпать

Барецки советами о том, как обращаться с женщинами. Мысленно Лале велит себе заткнуться. Какое ему дело до обретающегося рядом с ним монстра и до того, научится ли тот хоть когда-нибудь уважительному отношению к женщине? По правде говоря, он надеется, что Барецки не выйдет отсюда живым и женщин у него больше не будет.

Глава 5

Наступило воскресное утро. Лале вскакивает с кровати и бежит наружу. Солнце встало. Где все люди? Где птицы? Почему они не поют?

– Сегодня воскресенье! – кричит он неизвестно кому, а обернувшись, замечает направленное на него с ближайшей сторожевой вышки дуло автомата. – Ох черт!

Он мчится обратно в барак, а в рассветной тишине резко раздаются звуки выстрелов. Похоже, караульный решил попугать его. Лале знает, что это единственный день, когда заключенные спят дольше обычного или, по крайней мере, выходят из бараков только от голода, чтобы выпить черный кофе и съесть кусок черствого хлеба. Караульный забавы ради выпускает в здание еще одну очередь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/morris_hezer/tatuirovshik-iz-osvencima

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)